

ЗА ЛЕНТОЧКОЙ ★ ИСТОРИИ УЧАСТНИКОВ СВО

ИВАН

КАРПЕНКОВ

**БУДНИ
ФРОНТОВОГО
АВТОБУСА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

В оформлении обложки использована работа художника
М. О. Анаева «Работает Авиация», 2024 г.
(Студия военных художников имени М. Б. Грекова
Министерства обороны Российской Федерации).

Карпенков, Иван Вадимович.

К26 Будни фронтового автобуса / Иван Карпенков. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (За ленточкой. Истории участников СВО).

ISBN 978-5-04-229660-4

Специальная военная операция идет полным ходом. Российские подразделения уверенно освобождают свою территорию от новоявленных бандеровцев. Но противник упорно цепляется за каждый населенный пункт, за каждую улицу, за каждое строение...

И вот — новый рубеж. Со стороны этот дом выглядит наполовину разрушенным, с выбитыми окнами и проломленной крышей, и потому кажется неживым. Но это не так. Внутри засел вооруженный до зубов враг, которого нужно выбить во что бы то ни стало.

Группой штурмовиков командует боец с позывным Джамбо. Его подчиненные — люди разных возрастов, национальностей и жизненного опыта, на их счету уже десятки взятых рубежей и «зачищенных» укреплений противника. Звучит команда «На штурм!», и вот уже слаженные «двойки» под прикрытием пулемета у самых стен...

То, что случилось в том бою, он будет помнить всю оставшуюся жизнь, перевернувшуюся в его глазах за одно бесконечное мгновение...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229660-4

© Карпенков И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

АВТОБУС

По разбитой, изрытой воронками старых и недавних «прилетов» дороге сквозь снег и вьюгу, жару и зной, под палящим солнцем и кромешно-черной ночью неторопливо ползет уставший паук. Болотно-зеленого цвета, с желтой светоотражающей полосой по всему борту, кому-то он может показаться старой развалюхой. Но нет. Это вовсе не так. На самом деле этому автобусу едва исполнился год с того момента, как он, новенький и блестящий, бодро сошел с конвейера своего родного завода.

Но тяжелая во всех смыслах жизнь оставила неизгладимые раны на каждом из агрегатов железного коня, включая саму его механическую душу.

От рождения он не мог похвастаться ни своей комплектацией, ни перспективами долгой, счастливой и беззаботной жизни. Все в его салоне от самого начала было произведено не просто в формате «эконом», а скорее «суперэконом». Его кон-

дово сваренные из железных труб сиденья обтянуты самым дешевым дерматином, а обшивка салона и вовсе незатейливо сделана из строительной ДВП, которая уже через месяц была необратимо испачкана запекшейся кровью вперемешку с глубоко въевшейся грязью.

Только не подумайте, что водители данного агрегата не ухаживали за ним. Напротив, всякую свободную минуту, в жару и на морозе, они, грязно ругаясь по матери, что-то делали в его механизмах, каждый раз возвращая их к жизни. На вопросы эстетики времени оставалось совсем мало. Но после каждого рейса салон мыли. Сначала ведрами воды и тряпками, потом, поняв полную бесперспективность этого занятия, стали просто смывать кровь, смешанную с черноземом, из поливочного шланга.

Дело в том, что основной задачей автобуса была доставка раненых, которых не считали особо тяжелыми, с линии боестолкновения до эвакуационно-распределительного госпиталя. Требования и нормы перевозки личного состава тут давно забыты. А потому в салон забивается столько народу, сколько только можно туда запихнуть. Плюс еще немного. Пустым автобус крайний раз ехал разве что только когда его перегоняли с завода к месту службы. На этом вся его лафа закончилась. Да и отдышать между рейсами долго не приходилось. Ну

что тут скажешь — служба. Она и трудна, и почетна, а главное — точно очень нужна и незаменима. Это автобус своими железными мозгами понимал четко. А потому из последних своих лошадиных сил преодолевал все трудности и лишения воинской службы ровно так, как завещал ему Дисциплинарный устав Вооруженных сил.

Пассажиры в подавляющем большинстве своем в начале погрузки в автобус бывают слегка растеряны и молчаливы. Однако впоследствии осознание того, что каждый километр пройденного пути удаляет их от ЛБС и приближает к мирным, живущим «на всю катушку» городам, несколько поднимает настроение. Нет-нет да кто-то и заведет разговор. В ход идут позывные и наименования частей. Непременно находятся общие знакомые и друзья. И вот уже через какой-нибудь час другой в салоне автобуса царит совершенно иная — дружеская обстановка.

Раненые потяжелее ровно стонут в такт раскачивающемуся кузову, скрежещут зубами от боли. А те, что полегче, с пониманием своей сопричастности дают им пить из своих припасенных в дорогу пластиковых бутылок. Ничем другим помочь они не могут. А чувство необходимого соучастия почему-то в этот момент просыпается практически у каждого.

Всякий раз среди легкораненых находились те, кто по ходу движения из состояния легкого коматоза периодически заваливался в полностью бессознательное состояние. Сопровождавший бойцов фельдшер, как контролер на гражданском рейсе, не торопился поднимать панику и предпринимать какие-либо реанимационные действия. Во-первых, он уже столько раз проделал этот маршрут, сопровождая подобный контингент, что уже привык и давно не реагировал на то, что в мирной жизни у многих вызвало бы шок и панику. Ну а во-вторых, а что, собственно говоря, он мог сделать? Это вам не госпиталь и даже не полковой медицинский пункт. Да и он не особо-то фельдшер. Ну уж, по крайней мере, не врач, это точно. Врачи в этих местах на вес золота, да и грамотные фельдшера тоже. А потому его обязанности по сопровождению легкораненых свелись к оформлению соответствующих документов и контролю доставки личного состава согласно списку. Ничего более героического или профессионального от него тут никто не требовал, да и не ждал. Ну и почетное наименование «фельдшер» — это точно не уровень знаний и профессиональных компетенций, и, скорее всего, даже не должность. Это, вероятно, штатное наименование единицы комплектации эвакуационного автобуса. Как домкрат, огнетушитель и аптечка.

За все время на этом месте побывали и выпускник ветеринарного колледжа, работавший на гражданке зоотехником, и рыжий волонтер, сразу после школы прошедший двухнедельные курсы тактической медицины где-то в Питере, после чего срочно решивший непременно испытать себя и применить свежеполученные знания на практике. Пару раз, конечно, попадались и парни, реально окончившие средние профессиональные учреждения с медицинским уклоном. Но они были тут, скорее, исключением из правил. Потому как тех, кто реально что-то мог по медицинской части, быстро разобрали себе госпиталия и хозяйственные отцы-командиры.

Однако в любом случае фронт на фельдшерском месте в автобусе прикрывал тот, кто хоть какое-то отношение к медицине имел. Ну или, по крайней мере, так думал. В любом случае начальство этому не противилось.

Фельдшеров категорически не хватает. А потому, как говорил один из персонажей культового российского фильма про армию: «Нет преград для патриотов!» И если начальство сказало, что ты — фельдшер, значит, ты — фельдшер. А если ты фельдшер, то изволь принять это достойно. И, как говорится, хочешь не хочешь, а соответствуй...

Вероятно, именно с такой мотивационной позицией на сборном пункте в фельдшера запи-

сывали всех, кто особо этому не противился. Возможное отсутствие необходимой компетенции у вновь прибывающих «фельдшеров» в моральном плане военные комиссары прикрывали для себя убеждением, что, мол, все равно все бойцы перед отправкой на СВО пройдут необходимую подготовку в военных учебных центрах. В том числе и по профессиональным направлениям. А там тех, кого надо, подтянут, освежат в памяти забытые знания и добавят новых. Ну а тех, кто окажется неспособным, отправят в пехоту.

На полигонах в учебных ротах, напротив, целиком и полностью были уверены в военкомках, отобравших из тысяч запасников именно этих, вероятно, самых достойных и профессиональных специалистов. В результате система делала свое дело, по итогу выдавая фронту именно тот контингент личного состава, который в конце концов четко и надежно, как автомат Калашникова, невзирая ни на что, умело и качественно нес свою службу, справляясь со всеми трудностями и неурядицами. В общем, тяжелая работа кует серьезных работников.

Конечно, отдельные «элементы» какое-то время пытаются сопротивляться системе, противопоставляя ей свой взгляд на жизнь и на службу. Именно таким поначалу был питерский Рыжий — выпускник курсов тактической медицины. Казалось, нет такого направления в здравоохранении,

в котором он не имел бы своего мнения. Причем, как ему казалось, непременно единственно верного и обоснованного, которое он регулярно порывался испытать и реализовать на практике, пытаясь спасти и реанимировать всякого, кому, с его точки зрения, была необходима его экстренная помощь.

Но для того система и существует, чтобы медленно и монотонно шлифовать разнородную субстанцию до состояния однообразной, четко предсказуемой и эффективно работающей массы. В данном случае «шлифовальным инструментом» системы стали несколько бойцов, которые жестко «приземлили» Рыжего парамедика (так, на модный иностранный манер, по прибытии на СВО он представлялся при знакомстве) в тот момент, когда он старался «по науке» оказать первую доврачебную...

Итоговую огранку произвел здоровенный детина-десантник, который имел неосторожность прямо на глазах парамедика временно потерять сознание от травматической контузии, полученной от прилетевшего по бронезилету осколка.

Наш парамедик посчитал, что, согласно какому-то пункту наставления по тактической медицине, ему необходимо срочно снять с потерпевшего бронезилет и произвести экстренную СЛР¹. Однако пострадавший боец ВДВ, видимо, не читал

¹ СЛР (*мед.*) — сердечно-легочная реанимация.

подобного наставления. А если и читал, то не запомнил. Должно быть, поэтому, периодически приходя в сознание, он решил, что неизвестно откуда появившийся рыжий малолетка, пытающийся сорвать с него его невероятно модный и дорогуший бронезилет и при этом зачем-то ломающий ему грудную клетку, — не кто иной, как мародер. И хотя после травмы силы и сознание начали оставлять бойца крылатой пехоты, изначальные физические данные и подготовка явно были не в пользу Рыжего. А после того как, по мнению десантника, мародер еще и полез к нему целоваться, у бойца открылось второе дыхание. И оставляющие его силы, подхваченные справедливым гневом и яростью, вызванной патологическим неприятием толерантных западных ценностей, неведь откуда вернулись к нему вместе с помутненным сознанием. Отработанные до автоматизма, действующие на подсознательном уровне, движения гвардейца сделали свое дело... В общем, недели через две Рыжий уже вполне мог перемещаться самостоятельно.

Увидев это «чудо исцеления», командир попросил горе-лекаря после завтрака зайти к нему. Там, в палатке, без всякой злобы и особых нравучений, «парамедику» было разъяснено, что его невероятные «заслуги» на фронте были учтены командованием и он переводится на повышение

фельдшером эвакуационного автобуса. Да, начальству виднее, именно поэтому оно и поступает всегда мудро и справедливо.

На сопровождении эвакуированных Рыжий, похоже, несколько растерял свой «парамедицинский» запал, подзабыл некоторые пункты наставления по тактической медицине и вовсе перестал представляться «парамедиком».

Но зато в любое время суток, порою в полной темноте, он научился четко и абсолютно точно считать по головам раненых, наваленных штабелями в проходах, на сиденьях и под ними, без ошибок, быстро и в нужном месте заполнять сопроводительные бумаги и, не глядя, вслепую, расписываться в двадцати местах, размещая при этом документы на любой поверхности.

По бортам, на капоте и на крыше автобуса, помимо тактических знаков быстрого распознавания, которые постоянно менялись то с буквы «Z» на «Черепяху», то снова на «Z», но уже в ромбике, красовался «оберег» в виде белого круга с красным крестом. Почему-то на заводе, в малярном цеху, все были уверены, что эти магические символы уберегут их детище от напастей и невзгод. Что касается невзгод, сказать сложно. Но точно одно: за время своей короткой службы железный анти-Харон неоднократно подвергался обстрелу «с той

стороны» и атакам дронов неприятеля. И только мастерство его водителей, да, возможно, какой-либо специальный автобусный ангел-хранитель каждый раз берегли его и его пассажиров от прямого попадания. Правда, его борта имели неброские, но четко просматривающиеся входные отверстия и отметины от осколков. Да и стекла в нем уже были поменяны по кругу не один раз.

С водителями, а их было двое, автобусу повезло гораздо больше, нежели многим его сослуживцам. Первым был молодой деревенский парень из-под Рязани. И хотя в миру его звали Даней, он незатейливо решил взять себе гордый позывной «Рязань». А что? Он гордился своим краем, а Рязань считал самым красивым и цивилизованным городом в мире, в который, безусловно, мечтали и стремились сбежать все жители его родного поселка. Да и, к слову сказать, ни в каком другом месте Даня до армии-то и не был вовсе. Ну и на самом деле едва ли кто сможет утверждать, что Рязань некрасивый и непривлекательный город.

А еще в Рязани располагается лучшее и единственное в России и, пожалуй что, в мире училище Воздушно-десантных войск. И редкий мальчишка нашей страны не прошел в своей жизни этапа мечтаний о поступлении в эту кузницу голубых беретов.

Даня тоже не избежал такой участи. Правда, многими «мудрыми» взрослыми, которые наперебой рассказывали ему о тяжести, глупости и бесперспективности офицерской службы в данный исторический момент, убедительно указывая на то, что миром правят олигархи и бизнесмены, была посеяна определенная тень сомнения.

Далее с ним произошел один непредсказуемый инцидент, который нанес серьезный удар исподтишка по его мечте. Красивая и некогда горячо любимая девушка Рита, с которой он дружил еще со школьной скамьи и строил взаимные грандиозные планы на будущее про то, как они «и в горе, и в радости, пока кто-то или что-то не разлучит...», в один из зимних вечеров доходчиво растолковала ему, что все их некогда совместно разработанные и согласованные лунной ночью при звездах планы — не что иное, как детский сад мечтательного романтика, за которым нет надежной «каменной стены». И уже на следующий день упорхнула в гнездышко столичного, не очень-то молодого, но респектабельного олигарха, которого знала до этого едва ли неделю. Вероятно, вопрос с «каменной стеной» там был решен существенно лучше.

Окончательно желание стать офицером было утрачено на срочной службе, куда Даня решил сходить с тем, чтобы изнутри понять и прочув-

ствовать все те аргументы, которые ему влили в уши старшие советчики. Возможно, что-то недоработали в армии отцы-командиры, так как после службы, в определенный момент, Даня решил вернуться в родной рязанский поселок, подзаработать в местном АО денег на стартовый капитал и непременно открыть невероятно доходный, нереально продуманный, небывалый собственный бизнес и в ближайшем будущем непременно так же стать респектабельным успешным олигархом. Только помоложе.

Нет, он уже не хотел вернуть свою прежнюю любовь. Но и офицером становиться ему тоже как-то расхотелось. С детства имея дело с техникой, от мопеда до отцовских «Жигулей», Даня, не став пока еще олигархом, быстро дорос до механизатора с большой буквы. Почему с большой? Да потому, что начальник колхозной автоколонны, исполняя приказ директора АО, решившего восстановить лучшие традиции прошлого и создать Доску почета передовиков производства, не нашел ничего лучше, как назначить ударником нашего Даню.

И на это были веские причины. Во-первых, за почти полтора года работы в автоколонне он ни разу не был пойман на продаже на сторону запчастей и солярки. А во-вторых, Данил был самым фотогеничным, молодым и перспективным на

фоне остальных коллег, регулярно употребляющих горькую по вечерам и выходным.

Когда объявили мобилизацию, из района в АО приехал тучный и потный военком с красным лицом. Они долго о чем-то говорили с директором, после чего в кабинет был вызван Даня. Два взрослых авторитетных дяди очень популярно и доходчиво разъяснили Данилу, что служба в армии — это не только почетно, но и выгодно. Директор многословно распинался про авторитет в коллективе, про сознательность, про чувство долга и патриотизма. А толстый военком мямлил, как скороговорку, заученную наизусть и явно уже многократно произнесенную мантру про статусы, льготы и выплаты. Тему подытожил директор, сказав, что, мол, Данил Сергеевич, ты один в нашем коллективе неженатый, да и детей у тебя нет. В общем, кому, как не тебе, которого никто не ждет...

Даня было задумался... Вспомнил срочку, которая, надо отметить, прошла весело и беззаботно. И, подумав: «А почему бы и нет?» — на радость обоим уважаемым начальникам подписал повестку.

Эту байку о том, как его портрет висел на самом видном месте Доски почета в родном АО и как его, как лоха, развели и добровольно подвели под мобилизацию, Даня многократно, с шутками и прибаутками, шумно рассказывал знако-

мым и незнакомым собеседникам, так что многие фельдшера, сопровождающие рейсы, могли бы сами повторить ее слово в слово.

Он аккуратно отводил автобус около восьми месяцев, постепенно впадая в уныние и грусть. Его история появления на СВО с каждым разом становилась все менее веселой и более короткой.

И вот однажды Даня пришел в чистом мультикам¹, с огромным тактическим рюкзаком за спиной. И в первый раз автобус вез Даню на Большую землю в качестве пассажира. Ему наконец-то дали положенный и такой долгожданный отпуск.

Данил был счастлив от скорой встречи с родным домом, своими родственниками, друзьями и даже директором АО. Громко смеясь, он в тысячный раз рассказал случайным попутчикам историю своего появления на СВО и то, как сейчас все обалдеют, увидев его живым. На этот раз это была полная версия истории, со всеми смешными и курьезными моментами. Даня был счастлив.

С той поры прошло уже немало месяцев. Много поменялось. Фронт сдвинулся. А от Дани остались только красный флаг со Спасителем, аккуратно развешенный за спиной водителя, да фото

¹ Мультикам — вид камуфляжа с универсальным рисунком для любой местности. — *Здесь и далее примеч. автора.*

красивой девушки, закрепленное на солнцезащитном козырьке. Где и в качестве кого он теперь выполнял свои боевые обязанности на полутора-тысячекилометровом фронте, информации не было. А потому веселого балагура Даню постепенно начали в этих местах забывать.

Ему на смену пришел молчаливый крепкий мужик с большущими руками. На вид ему было лет сорок пять — пятьдесят. Но он до сих пор умудрился сохранить хорошую физическую форму. А через его тактическую рубашку проступали четко очерченные крупные рельефные мышцы. Очевидно, что детство и юность свои он провел на стадионе и в спортивном зале. Да и сейчас, вероятно, в свободное время, которого у него вроде как и вовсе не было, он нет-нет да и умудрялся где-нибудь украдкой покидать какую-нибудь железку или выполнить пару комплексов на турнике.

Его суровый и тяжелый взгляд, немногословность и испещренное глубокими морщинами лицо, дополненное кантом коротко остриженных седых волос, как-то не позволяли называть его без отчества. То ли это уважение к сединам и явно непростым прожитым годам, то ли этот взгляд... Но только все, даже командиры, называли его исключительно по имени и отчеству. Для своих он был Сан Саныч. И лишь очень узкий круг людей знал, что

этому умудренному годами и убеленному сединами «старцу» не стукнуло еще и тридцати пяти.

Они иногда, оставаясь с ним один на один, могли в круговерти забот и вездесущей суеты называть его Санычем. Но тут же осекались, как будто сделали что-то плохое, ожидая получить замечание. Однако Сан Саныч был, как всегда, безэмоционален, словно и не слышал этого. И ситуация как бы сама собой разрешалась. При этом изредка имевшие место подобные случаи не привели, как могло бы показаться логичным, ни к панибратству, ни к сокращению дистанции. Водитель был немного отшельником и всегда оставался Сан Санычем. Многие посторонние искренне считали, что «Сан Саныч» — это не имя и отчество, а позывной этого хмурого и сурового воина.

Мало кто знал, что он не всю жизнь был водителем. Он добровольно пришел в военкомат, как только началась СВО. Свою новую службу проходил в одном из штурмовых отрядов. И выраженное припадание при ходьбе на левую сторону давало почву для неподтвержденных слухов о том, что Сан Саныч был некогда тяжело ранен и в связи с этим переведен из штурмовиков в водители.

Автобус для него стал не просто местом работы, но и домом. Все свои вещи, которые без труда умещались в небольшой тактический рюкзак, он